

ЦК ВКП(б) -

тов. Е Ж О В У Н.И.

Я написал письмо тов.СТАЛИНУ с изложением моего дела - просьба с ним ознакомиться (копия имеется в НКВД). Я вспомнил дополнительные факты, которые считаю необходимым Вам сообщить и дополнить этим свое письмо тов.СТАЛИНУ.

1. По вопросу о связях и участии в оппозиции 25-29 г. В 28-м или 29-м году - меня встретил РЕЙНГОЛЬД на улице (кажется на Тверском или Никитском бульваре) и просил меня не могу ли я помочь перевести валюту за границу (кажется для закупки типографии), я ему ответил, что подумаю можно ли это сделать, решив для себя, что я этого не сделаю. Я после этого с ним некоторое время не встречался, чтобы показать этим, что я этого не сделаю. Встретившись с ним через некоторое время РЕЙНГОЛЬД мне сказал, что это дело отпало или урегулировано, я не вдавался в подробности, так как вообще не сочувствовал всему этому делу. Знание этого факта и несообщение его партии считаю своим тяжким преступлением.

2. Я писал тов.СТАЛИНУ, что не помню антипартийных разговоров во время посещения СОКОЛЬНИКОВА, после возвращения его из Лондона. Я не могу вспомнить таких разговоров, так как путаюсь
был

- 2 -

ли при моих посещениях РЕЙНГОЛЬД или нет. Если РЕЙНГОЛЬД при моих посещениях был, значит антипартийные разговоры были. Надо проверить это по показаниям РЕЙНГОЛЬДА. Может быть это относится к 28-29 годам, когда я бывал у СОКОЛЬНИКОВА вместе с РЕЙНГОЛЬДОМ. Во всяком случае, еще раз подтверждаю, что после приезда СОКОЛЬНИКОВА из Лондона, я там был 2-3 раза и после этого посещения СОКОЛЬНИКОВА прекратил.

3. Я подтверждаю свои об'яснения, данные в письме тов. СТАЛИНУ о встречах с КАМЕНЕВЫМ по делам Главконцескома и о встрече в Гаграх.

4. Продумывая и вспоминая все свои преступления перед партией, я прихожу к позорным для себя выводам. Я скрывал от партии свои колебания или участие в оппозиции в 25-29 годах, активной оппозиционной работы не вел, но пользовался таким доверием, что РЕЙНГОЛЬД мог говорить со мной о таком преступном деле, как покупка за границей типографии. Об этом преступном факте я тоже партии не сообщил. Так мог поступить только враг (хоть -бы он это и об'яснял товарищескими чувствами и не сочувствовал этому делу вообще). Решив прекратить оппозиционные встречи, считая, что у меня разногласий с партийной линией нет, я в Гаграх являюсь с контрреволюционерами. В 33-м году по приглашению РЕЙНГОЛЬДА прихожу к нему в гости с женой. В 33-м году бывал 2-3 раза у СОКОЛЬНИКОВА. Присутствую или участвую в антипартийных разговорах. Об этих встречах и оппозиционных настроениях партии не сообщаю. В 31 году, а может быть и в 32 году несколько раз был на квартире у ТУМАНОВА, чувствовал его не изжитые оппозиционные настроения, партии об этом тоже не сообщил. Прекратив с 33 года посещения СОКОЛЬНИКОВА, РЕЙНГОЛЬДА, я прекращаю их, как обыватель, который прекратил "знакомство домами."

Все эти факты говорят о том, что я продолжал быть, если это политически расценить, обменщиком и двурушником в партии, уговаривавшим себя, что он разногласий с партией не имеет, что эти встречи - это встречи со старыми товарищами (РЕЙНГОЛЬД, ТУМАНОВ) или долг вежливости (СОКОЛЬНИКОВЫ - во время пребывания в Лондоне, я у них часто бывал), что их оппозиционные настроения, временные и они вернутся на правильную партийную дорогу, свое поддекивание или нереагирование на их оппозиционные антипартийные разговоры - нежеланием ссориться с товарищами и знакомыми и оправдание себя тем, что я честно и преданно выполняю свою партийную работу, работая в банке на очень напряженной в то время работе и никакой оппозиционной работы не веду.

Вся эта позорная шпиль оппозиционности и обывательщины вросли в меня и нужен был удар по башке (арест и сидение в камере, когда можешь все продумать), чтобы все это оознать. Был у меня разрыв между уровнем развития моего, как крупного хозяйственника и уровнем развития партийца, который не дорос до понимания элементарных истин существа партии большевиков. Нужен был арест, чтобы все это партии рассказать. Мне стыдно и больно об этом писать, но что же делать. Единственное, что говорит в мою пользу, - это то, что как видно РЕЙНГОЛЬД, понял, что я порвал с ним. В 35-м году встретив его в столовке, когда его исключали из партии, он мне об этом даже не сказал.

В моей жизни есть одно светлое пятно - это моя честная и преданная работа в банке. Этой работе я отдавал все свои силы, работая так, как должен работать преданный большевик.

- 4 -

Я прошу Вас рассказать тов. СТАЛИНУ сущность этого моего письма. Скажите ему, к нему приходят все с радостью и горем и я со своим горем иду к нему и прошу его дать мне возможность преданной работой на любом участке, в любом месте искупить свои преступления и вернуть к себе доверие партии и правительства. Я сейчас крепче, чем я был, беспредельно предан и нашей родине.

АРКУС.

Верно:

